

УДК 343.14

DOI: 10.34670/AR.2026.66.13.037

Доказательство в эпоху генеративного ИИ: проблемы достоверности и правового регулирования

Кривицкая Юлия Станиславовна

Преподаватель кафедры «Гражданское право»,
Донской государственной технической университет,
344000, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1;
e-mail: Julia-424@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается трансформация доказывания под влиянием генеративного искусственного интеллекта, в частности, показано, что генеративные модели создают не просто новый вид цифрового контента, а новую процессуальную проблему, поскольку они снижают исходный уровень доверия к тексту, изображению, аудио или видео как потенциальному носителю сведений о каких-либо фактах. Между тем, российское процессуальное право по-прежнему исходит из классических критериев относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств, не выделяя результаты генеративного ИИ в самостоятельную категорию, в результате чего возникает нормативный разрыв, в соответствии с которым общие правила доказывания формально применимы, но практически они уже недостаточны для быстрой и надежной верификации синтетического контента.

Для цитирования в научных исследованиях

Кривицкая Ю.С. Доказательство в эпоху генеративного ИИ: проблемы достоверности и правового регулирования // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 4А. С. 301-305. DOI: 10.34670/AR.2026.66.13.037

Ключевые слова

Искусственный интеллект, генеративный ИИ, доказательство, правовое регулирование, достоверность доказательства, процессуальное право, цифровой контент, дипфейк, верификация, судебная экспертиза.

Введение

Эпоха генеративного ИИ предопределила, что вопрос о допустимости доказательства уже нельзя отделять от вопроса о его происхождении, а вопрос о достоверности – от вопроса о технической верифицируемости источника. Кроме того, в российской правовой системе законодатель делает акцент не на материальном носителе, а на юридически корректном способе получения и процессуальной оценке информации. Как видится, данный подход сохраняет свою ценность и сегодня, вместе с тем, генеративный ИИ показал его ограниченность, так как формальной возможности представить электронный носитель уже недостаточно, поскольку теперь суду приходится устанавливать не только содержание документа, но и то, был ли он создан человеком, машиной, гибридным способом либо искусственно модифицирован после свершения зафиксированного события. Отсюда вытекает главный тезис исследования: в условиях генеративного ИИ центральным становится не вопрос «может ли такой материал быть доказательством вообще», а вопрос «какой стандарт верификации должен предшествовать признанию такого материала достоверным».

Обзор литературы

Современная литературы по теме доказательств в эпоху ИИ находится на стадии быстрого формирования, однако уже приобрела относительно самостоятельный предмет исследования: если ранние работы, например, Л. Хуанг, Ю. Сан, В.А. Лаптев, В.К. Андреев, были сосредоточены преимущественно на общих рисках дипфейк-контента, то более новые публикации, например, Р. Дельфино, Д. Капра, М. Гроссман, П. Гримм, А.В. Смирнов, смещают акцент на процессуальные стандарты аутентификации, раскрытие факта использования ИИ и пределы судебного усмотрения при оценке цифровых материалов.

Методология

Проведенное исследование построено преимущественно на нормативно-правовом и сравнительно-правовом анализе, а также методе анализа правоприменительной практики, поскольку, в первую очередь, повествование обращено к действующему российскому законодательству, после чего в качестве наглядных кейсов правоприменительной практики приведены примеры зарубежных инициатив по выработке специальных стандартов допустимости ИИ-генерированных доказательств.

Результаты

Представляется, что прикладное решение должно строиться не вокруг запрета генеративного ИИ как такового, а вокруг процессуального режима повышенной верификации.

Во-первых, целесообразно закрепить обязанность раскрытия использования генеративного ИИ при подготовке материала, представляемого в суд, если ИИ повлиял на содержание доказательства либо его форму настолько, что это способно повлиять на оценку его достоверности, например, генерации, перевода с потерей оригинальных следов, синтеза голоса, изображения или текста.

Во-вторых, для ИИ-сгенерированного или ИИ-модифицированного контента следует исходить из презумпции повышенного риска недостоверности, а не из презумпции

недопустимости, следовательно, такой материал может быть принят судом, но его доказательственная сила должна зависеть от подтверждения происхождения: наличия исходного файла, метаданных, журнала операций, сведений о программной среде, цепочки хранения, подтверждения автора, а при необходимости – экспертного заключения. Следует отметить, что такой подход согласуется и с NIST-логикой управления рисками, и с российской процессуальной традицией свободной оценки доказательств.

В-третьих, необходимо расширять практику судебной экспертизы применительно к цифровому происхождению доказательств, поскольку ФЗ от 31.05.2001 №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» уже создает общий вектор для привлечения специальных знаний, теперь же на практике требуется развитие методик, способных отвечать не только на вопрос «подделан ли файл», но и на более сложные вопросы, например, «содержит ли он следы генеративной обработки, возможно ли установить исходную версию, какова вероятность машинного синтеза отдельных фрагментов, каким образом менялась запись после фиксации события» и т.д. [Федеральный закон от 31.05.2001 №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», 2024].

В-четвертых, в перспективе стоило бы нормативно классифицировать три категории материалов, для каждой из которых установить различный стандарт проверки доказательственной силы:

- нативные цифровые доказательства, возникшие без генеративной обработки;
- ИИ-ассистированные материалы, где ИИ лишь помог организовать, улучшить или технически воспроизвести уже существующий контент;
- ИИ-синтетические материалы, созданные искусственным интеллектом.

Обсуждение

Российская модель регулирования ИИ пока строится преимущественно не вокруг специального «закона о генеративном ИИ», а вокруг набора стратегических, отраслевых и экспериментальных актов, и базовым документом остается Указ Президента РФ от 10.10.2019 №490, утвердивший Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 года, которая была скорректирована в 2024 году [Указ Президента РФ от 10.10.2019 №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», 2024]. Вместе с тем, этот документ, несмотря на то что закрепляет государственный курс на развитие ИИ, не содержит специальных правил о доказательствах, допустимости синтетического контента или процессуальной маркировке ИИ-материалов.

В рамках темы исследования показательны случаи, в которых генеративный ИИ привел к процессуальным ошибкам не на уровне спорного факта, а на самой юридической аргументации, и наиболее известный пример в мировой практике – дело *Mata v. Avianca*, в рамках которого Федеральный Суд США установил, что адвокаты представили суде ссылки на несуществующие судебные акты, сгенерированные ChatGPT, вследствие чего суд подчеркнул, что проблема заключалась не в самом факте использования технологии, а в отсутствии минимальной профессиональной проверки поданных материалов [Civil Action No. 22-cv1461, 2022].

В зарубежной научной литературе по доказательственному праву уже обсуждаются предложения о пересмотре стандартов аутентификации применительно к дипфейкам. Дополнительный импульс дискуссии дала американская инициатива по проекту «New Evidence

Rule 707 Would Set Standards for AI-Generated Courtroom Evidence», направленная на установление допустимости доказательств, сгенерированных с помощью искусственного интеллекта, в судебных разбирательствах и призванная обеспечить надежность доказательств, созданных ИИ, без «сопровождения» свидетеля-эксперта [New Evidence Rule 707 Would Set Standards for AI-Generated Courtroom Evidence, 2025].

Следовательно, правоприменитель уже признает, что машинные «мнения», прогнозы и выводы обладают квазиэкспертной убедительностью, но не поддаются традиционными способами их перекрестной проверки.

Представляется, что этот опыт важен для России по двум причинам. Во-первых, он показывает, что даже профессиональный участник судебного процесса способен принять сгенерированный текст за достоверный источник права или факта. Во-вторых, правовая практика зарубежных судов идет по линии усиления личной ответственности представителя за проверки содержания доказательства на предмет его подлинности, а не по линии полного запрета ИИ.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что генеративный ИИ меняет не формальное определение доказательства, а практические условия его достоверности и российское процессуальное право пока сохраняет работоспособность благодаря своей технологической нейтральности, однако этого уже недостаточно для устойчивого правоприменения. Как следствие, основной задачей для российского права стоит не в создании новой теории доказательств, а в процессуальном уточнении классической, в рамках которой источник цифрового материала, способ его формирования и следы его обработки должны стать обязательной частью оценки достоверности.

Библиография

1. Civil Action No. 22-cv1461 (2022). URL: <https://archive.org/details/gov.uscourts.nysd.575368>
2. New Evidence Rule 707 Would Set Standards for AI-Generated Courtroom Evidence (2025). URL: <https://natlawreview.com/article/new-evidence-rule-707-would-set-standards-ai-generated-courtroom-evidence>
3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 №490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. 14.10.2019. №41. Ст. 5700.
4. Федеральный закон от 31.05.2001 №73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.06.2001. №23. Ст. 2291.

Evidence in the Era of Generative AI: Problems of Reliability and Legal Regulation

Yuliya S. Krivitskaya

Lecturer, Department of Civil Law,
Don State Technical University,
344000, 1, Gagarina Sq., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: Julia-424@yandex.ru

Abstract

The article examines the transformation of evidence under the influence of generative artificial intelligence; in particular, it is shown that generative models create not merely a new type of digital content but a new procedural problem, since they reduce the initial level of trust in text, image, audio, or video as a potential carrier of information about any facts. Meanwhile, Russian procedural law still proceeds from the classical criteria of relevance, admissibility, reliability, and sufficiency of evidence, without singling out the results of generative AI into an independent category; as a result, a normative gap arises, according to which the general rules of evidence are formally applicable, but in practice they are already insufficient for the rapid and reliable verification of synthetic content.

For citation

Krivitskaya Yu.S. (2026) *Dokazatel'stvo v epokhu generativnogo II: problemy dostovernosti i pravovogo regulirovaniya* [Evidence in the Era of Generative AI: Problems of Reliability and Legal Regulation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (4A), pp. 301-305. DOI: 10.34670/AR.2026.66.13.037

Keywords

Artificial intelligence, generative AI, evidence, legal regulation, reliability of evidence, procedural law, digital content, deepfake, verification, forensic examination.

References

1. Civil Action No. 22-cv1461. (2022). <https://archive.org/details/gov.uscourts.nysd.575368>
2. Federal Law No. 73-FZ of May 31, 2001 (as amended on July 22, 2024) "On State Forensic Expert Activity in the Russian Federation". (2001). Collected Legislation of the Russian Federation, No. 23, Art. 2291.
3. New evidence rule 707 would set standards for AI-generated courtroom evidence. (2025). The National Law Review. <https://natlawreview.com/article/new-evidence-rule-707-would-set-standards-ai-generated-courtroom-evidence>
4. Presidential Decree No. 490 of October 10, 2019 (as amended on February 15, 2024) "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" (together with the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030"). (2019). Collected Legislation of the Russian Federation, No. 41, Art. 5700.